Н. Ю. ХАРИТОНОВА

Харитонова Наталия Юрьевна
PhD, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, Москва, 105066, Старая Басманная ул., д. 21/4
Тел.: +7 (495) 772-95-90
E-mail: nataliakaritonova@hse.ru

СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ В ДЕТСКИХ ДОМАХ ДЛЯ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: К ИСТОРИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГЕМ

Аннотация. В статье исследуются педагогические идеологемы, которые легли в основу образовательной и воспитательной программы, созданной для испанских детей, эвакуированных в Советский Союз во время гражданской войны в Испании, в 1937–1939 гг. Исходя из теоретических положений истории понятий анализируются некоторые концепты из дискурса испанских идеологов, самих воспитанников детских домов для испанских детей и советских педагогов. Особое внимание уделяется истории испанского понятия «полезный человек» и тем смысловым сдвигам, которые оно испытывает на протяжении нескольких столетий. Для выявления особенностей его употребления в речи испанских детей привлекается советский материал и близкое ему понятие «быть полезным для родины». Исследование позволяет продемонстрировать гибридность педагогических установок, применявшихся в воспитании испанских детей.

Ключевые слова: советская школа, испанские дети, идеологемы, история понятий.

Во время гражданской войны в Испании, с 1937 по 1939 г., Советский Союз принял несколько тысяч испанских детей, для которых была создана особая система детских домов специального назначения и средних школ. Обучение испанских детей в СССР стало уникальным образовательным и идеологическим проектом: для большого коллектива несовершеннолетних учащихся, которые не являлись советскими граждана-

© Н. Ю. ХАРИТОНОВА

ми и не были в своем большинстве детьми эмигрантов, было организовано особое пространство, где школьный учебный и воспитательный процесс шел на их родном языке, а у детей формировалось представление об их специфической общественной миссии.

Пребывание и обучение испанских детей в СССР наделялись дополнительными политическими и идеологическими задачами. События «большой истории» могли вносить коррективы в работу детских домов: поражение республиканцев в гражданской войне в 1939 г., Вторая мировая война, роспуск Коминтерна и «холодная война» привели к некоторым переформулировкам цели школьного воспитания и обучения испанских детей. Но в целом эти дети рассматривались как коллектив будущих кадров для Испании, которому предстояло выполнить определенные задачи: восстановить свою страну после гражданской войны, экспортировать в Испанию социалистический строй, победить франкизм, построить демократическое республиканское общество. Для этого они должны были обладать рядом определенных личных качеств, которые наделялись особым смыслом в системе советского образования.

В силу того что обучение и воспитание испанских детей курировались советским образовательным ведомством совместно с представителями иностранной политической организации в эмиграции, их задачи и цели формулировались в результате сложного взаимодействия установок испанского руководства, концептуального поля испанской культуры, а также интеллектуальной истории и понятий советской идеологии и системы школьного образования. Большой интерес для изучения представляет понятийный аппарат, с помощью которого советские и испанские идеологи и педагоги формулировали задачи воспитательного и образовательного процесса. Эта система понятий и станет предметом рассмотрения в данной статье.

1

В Испании, с июля 1936 г. охваченной гражданской войной, уже в первые месяцы военного конфликта, в августе 1936 г., началась эвакуация мирного населения, и прежде всего детей, из зон военных действий. Из центра Испании и Мадрида несовершеннолетних вывозили на юго-восток страны. Детей также отправляли за границу: во Францию, Швейцарию, Бельгию и Англию и в другие страны — в Мексику и США.

Еще в начале гражданской войны на страницах педагогического журнала «El Magisterio Español» подчеркивалась разница между системами образования, созданными под эгидой правых партий, которые «порабощают дух ребенка», и теми системами, которые созданы левыми. Последние «создают и поддерживают новую школу, кузницу свободных людей» [del Pozo Andrés 2008: 508]. В регионах Испании, находившихся под контролем республиканцев, во время военного конфликта были организованы так называемые детские «колонии», или детские лагеря, «детские республики» [Ibid: 518].

Республиканское Министерство образования и Управление детских лагерей при министерстве возлагали большие надежды на этот педагогический эксперимент. Уже тогда начинает формироваться представление об особом предназначении нового поколения испанцев. Представители республиканских органов образования считали, что детские колонии станут «колыбелью» для «нового, образованного и сильного поколения, которое понадобится нашей освобожденной родине», поколения, «способного поднять на своих плечах растерзанную Испанию, которая достанется им в наследство» [Ibid: 519]. Далее эти идеи получат развитие в установочных высказываниях руководства испанской компартии в СССР.

Первая «детская экспедиция» в СССР датируется весной 1937 г. Всего таких экспедиций было четыре, и исследователи считают, что общее число испанских детей, эвакуированных в Советский Союз, составляет приблизительно три тысячи человек [Alted Vigil et al. 1999: 44]. Как правило, они не были сиротами, в Испании у них оставались семьи. Многие дети уезжали с братьями и сестрами — родными и двоюродными. В основном это были дети из рабочих семей, где политические взгляды большинства родителей были республиканскими.

Говорить об изначальной четкой образовательной программе или вообще о каком-то плане испанского или советского правительства на первых этапах эвакуации не приходится. Во-первых, экспедиции зачастую организовывались в ситуации бомбардировок, и должного контроля над процессом эвакуации обеспечить не удавалось. Первостепенная задача, которую в 1937 г. решали советское и испанское правительство, — отдых и восстановление здоровья детей, для чего их сначала отправляли в пионерские лагеря Крыма. Во-вторых, в то время никто не мог точно предвидеть исхода гражданской войны, и, разумеется, при организации экспедиций никто не мог предположить, что дети останутся в стране на многие годы. На это указывает и то, что изначально испанских детей патронировали Наркомат здравоохранения и военное ведомство.

В разные годы число детских домов для испанских детей было различным, но в целом не превышало шестнадцати. Они были расположены в Московской и Калужской областях, в Ленинграде, Пушкино и Луге, в Евпатории, а также в Киеве, Харькове, Одессе и Херсоне. Во время эвакуации детские дома оказались разбросаны по разным советским республикам и регионам РСФСР (Краснодарский край, Саратовская область, деревни поволжских немцев, к тому моменту депортированных из родных мест, Сталинградская область, Самарканд, Ташкент и Тбилиси). После войны руководство испанской эмиграции предприняло усилия для того, чтобы собрать испанских воспитанников в Москве или в близких к столице областях. Выпускников детских домов направляли учиться в школы фабрично-заводского обучения, техникумы или институты. Последний детский дом для испанских детей был расформирован в августе 1951 г.

Передача испанских детей в ведомство Наркомпроса, создание специальных детских домов и организация в них школьного обучения были ре-

гламентированы осенью 1937 г. серией распоряжений Совета народных комиссаров и других ведомств [Елпатьевский 2002: 61], после того как дети провели лето на черноморском побережье. Следует предположить, что в этих документах были учтены рекомендации представителей испанской коммунистической партии — прежде всего идея размещения испанских детей в отдельных заведениях и обучение их на родном языке с условием преподавания русского как иностранного.

Детские дома постоянно курировали представители испанской компартии. Из отчетов испанских инспекторов следует, что испанцы принимали участие прежде всего в организации воспитательной и культурной работы, в то время как в образовательный процесс они не вмешивались, ограничиваясь сбором информации о результатах обучения, хотя и могли настаивать на улучшении показателей успеваемости или уровня владения русским языком.

В том, что касается собственно школьного процесса, советские учителя и инспекторы Наркомпроса РСФСР руководствовались общими для советской школы требованиями. Занятия в школах поручили вести прибывшим с экспедициями испанским педагогам и советским учителям; функции организации и контроля за обучением на местах выполняли советские педагогические коллективы. При Наркомпросе был создан отдел детских домов для испанских детей. Ситуация в каждом из детдомов при этом была разной и во многом зависела от советского персонала каждого отдельного учреждения.

По мнению советского персонала, основная проблема заключалась в отсутствии педагогических навыков у испанских учителей, поэтому для них специально делали доклады, проводили семинары по советской педагогике, вводили посещение методических кабинетов, уроков советских учителей, организовывали витрины и доски вырезок из «Учительской газеты», переводили для них на испанский язык методические материалы и учебные программы. Об этом свидетельствуют многочисленные отчеты и протоколы совещаний педагогических советов детских домов для испанских детей, например отчет о состоянии работы методического кабинета детского дома № 1 от 14 февраля 1941 г.[1]

Учительница киевского детского дома № 13 вспоминала:

> Педагогический совет помогал этим товарищам (испанским учителям. — *Н. Х.*) до конца изжить буржуазные методы воспитания учащихся, что потом дало положительные результаты.
> Они ходили на уроки к лучшим мастерам, педагогам школ г. Киева и на открытые уроки. Планы их уроков и осуществление их все время усовершенствовались. Мы с ними систематически изучали советскую педагогику, тем более, что много планов и программ было издано на испанском языке[2].

[1] ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–6а об.

[2] ANC1-555-T-205.S.P. Документ не датирован; речь идет о 1967—1968 гг. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Из документов Наркомпроса конца 1930-х годов следует, что советский персонал был убежден в том, что испанских детей необходимо воспитывать в духе, соответствующем «задачам нашей советской педагогики», «в интересах коммунистического воспитания» и «интернационального воспитания». Год спустя после прибытия первых групп испанских детей, в 1938 г., Наркомпрос РСФСР разработал «Положение о детских домах для испанских детей»[3], где прописано, что задачей детского дома является воспитание «строителей коммунистического общества, беззаветно преданных социалистическому отечеству трудящихся всего мира — Советскому Союзу, борцов против фашизма, борцов за свободную независимую Испанию»[4]. Советские педагоги осознавали работу с испанскими детьми как важную миссию, ответственность за которую они несут перед родителями детей и испанским правительством.

Сотрудники Наркомпроса регулярно посещали детские дома для испанских детей и анализировали ведущуюся там воспитательную работу. Во многом замечания, которые формулировались в результате таких проверок, соответствовали общим советским педагогическим принципам. Так, например, инспектор, побывавший в детском доме № 2 в конце первого полугодия 1938/1939 учебного года, отметил неустойчивость интересов детей и их неспособность доводить дело до конца. Зафиксировав эту поведенческую особенность воспитанников, сотрудник Наркомпроса не просто предлагает усилить требовательность к выполнению задач, но и специально отмечает необходимость большой педагогической работы с соответствующим дефектом, поскольку ему нет места в системе советских и революционных ценностей. При этом автор отчета видит в воспитании настойчивости большую государственную задачу, и не только советскую, но и революционную испанскую:

> Нам, Советской стране, а также революционной Испании нужны стойкие, волевые личности, умеющие доводить начатое дело до конца[5].

В этом высказывании, безусловно, дает о себе знать сверхзадача педагогического проекта воспитания испанских детей в СССР. В детях необходимо было вырабатывать особую «советскую закалку» и другие личные качества, считавшиеся полезными для общества и государства — не только советского, но и испанского. Таким образом, характерные для того времени советские установки применялись к детям-иностранцам, которые рассматривались как своего рода продукт экспорта советской модели личности в другое государство, как адресат проекта по воспитанию и образованию детского коллектива.

[3] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5987. Благодарю А. А. Карасёву (Московский педагогический государственный университет) за указание на этот фонд.

[4] Там же. Л. 1.

[5] ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 122. Л. 8.

Любопытно, что даже высказывания советских преподавателей-предметников, работавших с испанскими детьми, при обосновании значения своей дисциплины в их системе обучения апеллируют к изначально заданной идеологической сверхзадаче. Учитель русского языка Федосова в работе о преподавании русского языка в испанской школе, датированной 6 октября 1943 г., воспроизводит общие воспитательные установки, применявшиеся к испанским детям:

> Преподаватель русского языка должен дать возможность учащимся через познание русского языка шире и полнее познать жизнь социалистической страны и способствовать его коммунистическому воспитанию и выработке будущего строителя социалистического общества в родной стране и борца за коммунизм[6].

Поэтому, как пишет учительница, даже материал для изучения русского языка этими детьми, приехавшими «из буржуазной страны», должен быть идеологически выдержанным, а «сами уроки должны быть повседневным средством коммунистического воспитания»[7].

С одной стороны, в этих утверждениях обнаруживается общая советская педагогическая установка на воспитание строителей коммунизма. Однако дает о себе знать и понимание инаковости этих детей и специфики их восприятия незнакомой им советской действительности. Подчеркивается, что строителями социализма они станут у себя на родине, и это последнее утверждение лежит в плоскости взаимодействия испанских и советских идеологем, применявшихся в воспитании испанских детей.

Советские педагоги работали с испанскими детьми в сотрудничестве с испанским руководством, которое принимало определенное участие в воспитательном процессе. Задачи, которые культивировались в воспитании испанских детей с первых лет существования соответствующих школ в СССР, заключались в том, чтобы дети укрепляли здоровье, учились и получали политическое образование для того, чтобы стать подготовленными кадрами для республиканской Испании, которую им предстоит построить.

Инспектор компартии Испании (КПИ) Клара Санча в июле 1939 г. написала несколько отчетов о посещении детских домов для испанских детей. Отметив хорошее знание советской истории и биографий героев русской Гражданской войны у детей ленинградских детских домов, она предлагала руководству КПИ собрать руководителей политического воспитания, работающих в детских домах, «разъяснить им характер нашей борьбы и дать указания о том, каким должно быть воспитание пионеров и молодых коммунистов, с тем чтобы они стали кадрами для Испании»[8].

---

[6] ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 143. Л. 2. «Работа и тезисы доклада преподавательницы русского языка и литературы в д/д номер 2 для испанских детей Федосовой».

[7] Там же.

[8] ANC1-555-T-205. S.P.

Судя по отчетам советских и испанских инспекторов, воспитание детей оказывалось подчинено масштабным государственным и политическим задачам. Установки именно такого рода дают о себе знать уже «на выходе», в высказываниях самих учеников того времени.

2

Одним из архивных источников по истории детских домов для испанских детей является корпус «ритуальных» поздравительных писем воспитанников, адресатом которых были руководители КПИ и испанской эмиграции в СССР — Хосе Диас и Долорес Ибаррури. Судя по сохранившимся материалам, написание таких писем по случаю дня рождения Хосе Диаса и Долорес Ибаррури практиковалось до начала Великой Отечественной войны. Это было организованное мероприятие, которому предшествовали беседы и лекции о руководителях испанского коммунистического движения. Детям рассказывали о судьбе вождей, об их политическом становлении и о том, как они живут сейчас. Заключительной частью мероприятия было написание писем на испанском языке, которые могли быть индивидуальными или коллективными.

Ученики четвертого класса обнинского детдома № 5 рапортовали о своих успехах в апреле 1941 г.:

> Все это время мы готовимся, учимся и работаем, для того чтобы стать полезными нашему отечеству людьми (ser útiles a nuestra patria) и суметь разрушить любой эксплуататорский режим, покончить с франкизмом и построить социалистическое государство, где человек не эксплуатировал бы человека, а массы жили бы мирно и свободно[9].

Вместе с установкой на борьбу с франкизмом и на строительство социализма в Испании в высказываниях воспитанников детских домов употребляются устойчивые сочетания «полезный человек» (*hombre útil*) и «дельный человек» (*hombre de provecho*), как правило, в отношении ожидаемого результата их школьного обучения. Обратимся к некоторым примерам.

Ученица первого класса школы при детском доме № 1 в Тишково Роса Карраско в письме от 26 апреля 1940 г. пишет:

> Дорогой товарищ Хосе Диас! В ваш день рождения, когда вы получите это письмо, я желаю вам хорошего самочувствия. Когда мы уедем в Испанию, мы будем много учиться, чтобы стать полезными людьми (para ser hombres útiles)[10].

[9] ANC1-555-T-204. S.P.
[10] ANC1-555-T-204. S.P.

Использование этого выражения ребенком младшего школьного возраста наводит на мысль о том, что перед нами ретрансляция «чужого слова», попавшего в письмо из установочного выступления педагогического персонала детского дома.

Исключение составляет письмо старшеклассницы из киевского детского дома от 24 марта 1940 г. Говоря о полученных ею в СССР знаниях, она использует синонимическое выражение «дельный человек»:

> Мы много думаем о возвращении в Испанию. Наша любимая родина нас зовет, и мы думаем вернуться, чтобы возглавить массы. ‹…› Всем, чему я научилась в Советском Союзе, я буду делиться в Испании с молодежью, ‹…› и всегда буду говорить всем, чтобы они хранили добрую память о стране, которая сумела сделать нас дельными людьми (hombres de provecho) [Colomina Limonero 2010: 35–36].

Данное словоупотребление позволяет говорить о том, что, с одной стороны, оба выражения могли восприниматься как синонимы, с другой стороны — установочные высказывания в разных детских домах для испанских детей могли формулироваться немного по-разному, хотя общий смысл сохранялся единым.

Речь идет о понятиях, глубоко укорененных в испанской традиции. В испанском языке есть устойчивое сочетание «быть дельным, толковым человеком» (*ser hombre de provecho*)[11]. Существительное *provecho* имеет разные значения, в первую очередь ‘польза’, но также ‘выгода’, ‘прок’ [Нарумов 1988]. Характерно, что чаще всего это слово используется как педагогический императив, маркирующий результат воспитания или обучения. Оно появляется еще в средневековых испанских текстах — в контекстах, связанных с формированием личности и характера. Например, в «Книге примеров графа Луканора и Патронио» (1335) описывается следующая ситуация. Когда граф желает выяснить, кто из юношей, воспитывающихся[12] при его дворе, является наиболее подходящим кандидатом для ведения государственных дел, советник графа предлагает некий способ выявить склонности молодых людей, сопровождая свои слова комментарием:

> Вы, господин граф Луканор, если хотите узнать, кто из юношей станет человеком наиболее дельным (hombre de más provecho), обратите на это внимание [Juan Manuel 1994: 88].

В таком смысле идиоматическое выражение устойчиво использовалось на протяжении многих столетий. Например, в историческом романе Бени-

[11] Во избежание путаницы далее я буду переводить на русский язык это словосочетание как «дельный человек», однако подчеркну, что возможен и правомерен перевод «полезный человек».

[12] Граф говорит, что юноши *se crían*, т. е. растут, воспитываются, развиваются.

то Переса Гальдоса «Двор Карлоса IV» (1873): «...мне собираются дать образование и сделать из меня дельного человека (hombre de provecho)» [Pérez Galdós 1995: 303]. В XX в. у Камило Хосе Селы читаем: «...сыном, которому я тогда мечтал дать образование и сделать из него дельного человека (hombre de provecho)» [Cela 1995: 77]).

Целые поколения испанских родителей именно этими словами наставляли своих детей. Ср. запись испанского блогера (2008):

> Учись, сынок, чтобы стать дельным человеком. Тем из вас, кто родился, как я, в сороковые или около того, эта фраза, конечно, знакома[13].

Далее блогер проясняет: такое наставление подразумевало, что ребенок, закончив обучение и став взрослым, будет достойно зарабатывать себе на жизнь и приносить пользу семье, общине, родине.

Выражение *hombre útil* ‘полезный человек’ встречается значительно реже и появляется в испаноязычных текстах гораздо позже. Поиск в авторитетной базе Королевской испанской академии КОРДЕ (Диахронный корпус испанского языка)[14], где собраны данные сотни тысяч испаноязычных текстов разных эпох, дает статистику, показывающую, что оно получает наибольшее распространение в испанском языке в XIX в. Шире всего оно использовалось собственно в Испании, чаще в литературных текстах, хотя также употребительно в исторических, научных, дидактических сочинениях, а также в трудах общественной и религиозной тематики.

Одним из немногих исследований, посвященных истории идей в испаноязычном мире, является работа мексиканского исследователя Хосе Энрике Коваррубиаса, в которой представлен сравнительный анализ понятия «полезный человек» (hombre útil) в европейском и мексиканском утилитаристском неомеркантилизме XIX в. [Covarrubias 2005]. В связи с этим понятием на материале трудов Монтескье, Дэвида Юма, Лодовико Антонио Муратори, Фердинандо Галиани и Кристиана Вольфа автор подробно анализирует европейскую историю понятий «пользы» и «общественной пользы», восходящих к понятию «общей пользы» Цицерона. Обращаясь к испанскому материалу, Коваррубиас, в частности, рассматривает идею пользы в педагогической системе представителя испанского Просвещения Гаспара Мельчора де Ховельяноса (1744–1811).

Интересно, что Ховельянос, прекрасный знаток европейской философской традиции, в своих трактатах, например в «Письме об общем образовании», оперирует испанским понятием *provecho* ‘польза’. То же слово встречается в рассуждениях об «общей пользе» в сочинении «Уроки политического права» (1843–1844) Антонио Алькала Галиано, испанского

[13] http://eldesvandelabuelito.blogspot.ru/2008/06/un-dibujante-catlico.html.

[14] REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Banco de datos (CORDE) [en línea]. Corpus diacrónico del español. <http://www.rae.es>.

либерального политика. Статистика банка данных КОРДЕ фиксирует пик употребимости именно этого лексического варианта в значении ‘общая польза’ на испанском языке в 1843 г.

Таким образом, использование понятия «полезного человека» в двух вариантах (*hombre de provecho* / *hombre útil*) в XIX в. вписывается в традицию испанской либеральной мысли. Можно предположить, что первый, более ранний вариант подвергся переобозначению у мыслителей испанского Просвещения, наполнившись новым смыслом благодаря тесному взаимодействию с ключевым для философии европейского Просвещения понятием «общей», или «общественной пользы».

Примеров употребления идиомы «полезный человек» (*hombre útil*) в испанских текстах XX в. немного. Мы можем, в частности, обнаружить его в программе испанской Синдикалистской партии 1934 г.:

> Синдикалистская партия будет считать всех испанцев равными и будет требовать, таким образом, чтобы каждый полезный человек выполнял свою функцию, выполнял бы какую-то практическую и нужную работу (Programa del Partido Sindicalista. Párrafo 6. Цит. по: [Artola 1974]).

В данном случае устойчивое словосочетание *hombre útil* используется в значении ‘трудоспособный человек’[15].

Любопытен и более поздний пример словоупотребления, зафиксированного в религиозном трактате священника Луиса Риберы «Требник “Регина” для молодежи» (1964; «Регина» — по названию издательства, опубликовавшего книгу). Адресатами этого дидактического сочинения были молодые люди, стремящиеся стать участниками движения «Католическое действие». Рассказывая об облагораживающей силе труда, автор трактата объясняет своему юному читателю, зачем ему нужно хорошо работать:

> Если ты постоянен в своем труде, ты станешь полезным человеком для общества [Ribera 1964: 690].

Как можно видеть, общей для текстов разного содержания и, скажем, идеологически противоположных — партийной программы синдикалистов и религиозного сочинения — является идея пользы, которую человек, овладевший некоторыми знаниями или обладающий определенными качествами, приносит стране и обществу своим трудом: именно труд и работа являются условием и залогом его социальной, общественной полезности.

[15] Антонимом словосочетанию *hombre útil* в данном употреблении является субстантивированное прилагательное *inútil* ‘инвалид’, дословно «бесполезный». Как указывает Мария Гальмарини, автор неопубликованного диссертационного исследования «The “right to be helped”: Welfare policies and notions of rights at the margins of Soviet society, 1917–1950» [Galmarini 2012], понятие «польза» часто фигурирует в подобном контексте в советских текстах о социальном обеспечении инвалидов и их нетрудоспособности или ограниченной трудоспособности.

Логично искать источник понятия «полезный человек», которое используют испанские дети, росшие в Советском Союзе, в политико-воспитательной работе, которая велась в детских домах испанским педагогическим персоналом. Часть испанских учителей прибыла из Испании вместе с экспедициями детей, остальные были приняты на работу после 1939 г., после поражения республиканцев в гражданской войне, когда в СССР оказались сотни испанских политических эмигрантов, в большинстве своем республиканцев. Уместно вспомнить, что в годы республики в Испании была предпринята масштабная реформа школьного образования, и одним из основных источников идей для этого педагогического эксперимента стал Свободный институт образования, основанный в 1876 г. и просуществовавший до 1936 г.

Свободный институт образования был основан последователями немецкого философа Карла Кристиана Фридриха Краузе, жившего на рубеже XVIII–XIX вв. Идеи Краузе, создателя концепции панентеизма, оказали мощное влияние на испаноязычный мир. В XIX в. в Испании и Латинской Америке, прежде всего в Аргентине, возникло такое общественное течение, как краузизм, ставшее в то время идейным ядром либерального обновления общества, и в частности сферы образования. Краузизм отстаивал свободу преподавания и терпимость, которые противопоставлялись догматизму традиционного католического образования.

Представляется существенным, что Франсиско Хинер де лос Риос — один из основателей Свободного института образования, из стен которого вышла целая плеяда республиканских ученых и деятелей культуры, поэтов, художников, — определял цели нового учреждения следующим образом:

> Институт не намеревается ограничиться образовательным процессом, он будет способствовать формированию полезных людей, которые будут служить человечеству и родине (cooperar a que se formen hombres útiles al servicio de la humanidad y de la patria) (Цит по: [Díaz-Plaja 1983: 375–376]).

Характерно, что контексты употребления понятия «полезный человек» у Хинера и в письмах испанских воспитанников детских домов в СССР практически совпадают.

Интересно, что и сам Краузе, идеи которого усвоили испанские либеральные педагоги, также оперировал понятием «общественной пользы» как цели воспитательного процесса. В автобиографической заметке, написанной для Масонской энциклопедии Леннинга, он вспоминал о полученном в отеческом доме воспитании:

> …Отец воспитал меня как человека благочестивого ‹…› и образованного, но не просто знающего. Он искренне старался воспитать своего единственного сына так, чтобы тот стал полезным человеческому обществу согражданином (un conciudadano útil de la sociedad humana) [Ureña 1991: 22].

Идеологема «полезный человек» также являлась частью идеологического дискурса руководителей республиканской эмиграции в СССР. Долорес Ибаррури использует ее в своих выступлениях перед испанскими детьми. Например, в 1940 г. она говорит, обращаясь к воспитанникам харьковского детского дома:

> Вы должны много заниматься и учиться у советских товарищей, чтобы в будущем стать полезными демократической Испании (ser útiles a una España democrática) [Colomina Limonero 2010: 35].

Судя по всему, того же рода установка легла в основу воспитания испанских детей, которые своим будущим трудом должны были ответить на заботу испанской компартии, вместе с Советским Союзом давшей им возможность получить образование и профессию, чтобы стать полезными своему отечеству гражданами, трудиться на благо новой социалистической или демократической Испании. О том, что именно такое представление о своей будущей миссии испанские дети усваивали на занятиях и беседах, свидетельствует коллективное письмо детского совета детдома № 1 (1939):

> Окруженные отеческой сталинской заботой, в счастливой советской стране, мы, свободные от тревог, учимся, растем, крепнем и закаляемся. Наша вторая родина нам все дает, а мы будем стараться ответить на эту щедрость: встанем в первых рядах грядущей борьбы с фашистской шайкой и установим социализм на нашей родине[16].

14 октября 1941 г., находясь в эвакуации в деревне Базель Саратовской области, воспитанница детского дома № 5 Лули Сиснерос от имени своих товарищей пишет письмо Долорес Ибаррури. Обращаясь к Пассионарии с жалобой на отсутствие учителей в эвакуации, девочка выражает общую обеспокоенность по поводу того, что школьные занятия не начинаются. При этом вся ее аргументация ложится в канву усвоенных педагогических идеологем и выстраивается вокруг понятия «пользы»:

> Мы хотим (раз уж мы не можем учиться) помогать войне (т. е. фронту. — *Н. Х.*) любым способом, некоторые могут пойти на фабрики, другие — рыть траншеи в окрестностях Москвы. В общем, мы не хотим жить бесполезно (inútilmente). Я думаю, что сейчас мы, испанцы, не желаем терять ни одной минуты учебы, для того чтобы, вернувшись в нашу Испанию, суметь изгнать классового врага, а затем восстановить родину[17].

[16] ANC1-555-T-204. S.P.
[17] ANC1-555-T-204. P. 31.

Это высказывание представляет особый интерес, так как обнаруживает идеологическую гибридность. Стремление приносить пользу и работать для фронта употребляется в связи с началом Великой Отечественной войны и отражает уже установки советского школьного воспитания военного периода. Советский педагогический и идеологический контекст предвоенного и военного времени представляет немалый интерес в связи с анализируемым нами понятием и нуждается в более детальной реконструкции.

3

В современном русском языке, в отличие от испанского, отсутствует устойчивое сочетание, соответствующее утилитаристскому европейскому концепту «полезный человек», где дополнение, уточняющее его смысл, не требуется[18]. Русское словосочетание «полезный человек» представляет собой свободную атрибутивную конструкцию, смысл которой зависит от контекста. В XX в. на смену ему приходят устойчивые сочетания «быть полезным» или «приносить пользу» (государству, стране, родине). Выше было отмечено, что понятие «общей пользы» — европейское по своему происхождению, актуализировавшееся в философских трудах эпохи Просвещения. Оно едино и для испанской, и для русской (советской) традиции. Тем не менее в русскоязычной культуре понятие «быть полезным» (стране/родине) не только имеет специфику, отличную от испанской, но и демонстрирует конкретные сдвиги значения в разные периоды.

Если обратиться к текстам XX в., в дореволюционной России идеологема «польза родине» использовалась, в частности, для обозначения моральной сверхзадачи индивидуума, которая была стимулом для честного и сознательного выполнения своих гражданских или профессиональных обязанностей и могла конкретизироваться в военной или государственной службе. Ср., например, обращение Николая II к юнкерам 1911 г.:

> Служите изо всех сил, с полным сознанием, что, если каждый из вас честно и сознательно будет исполнять свое дело, какую бы маленькую должность ни занимал, он этим принесет большую пользу родине и своей части [Николай II 1917].

В подобном смысле идеологема будет использоваться и далее в советской культуре.

В области советского школьного воспитания «польза» как педагогическая идеологема приобретает конкретное наполнение к началу Великой

[18] В текстах XVIII–XIX вв. идиома «полезный человек» в смысле, близком к испанскому, как можно установить с помощью Национального корпуса русского языка, была употребительна, очевидно, под европейским влиянием, прежде всего трудов французских просветителей. Однако в современном русском языке она означает человека, обладающего нужными связями и могущего оказать протекцию или какую-то услугу. В советской педагогической литературе интересующего нас периода это устойчивое сочетание не зафиксировано.

Отечественной войны. Интересно, что среди основных установок советского школьного образования в 1938–1940 гг. и в первой половине 1941 г. «польза» как понятие, задающее результат процесса образования, не встречается, хотя часто используется другое — «необходимость/нужность для страны». В январе 1940 г. в «Учительской газете» читаем:

> Советскому государству нужны хорошо подготовленные школьники [За работу 1940].

«Пионерская правда», которую, в частности, должны были читать испанские дети, вела специально оформленную рубрику «Прочти. Подумай. Сохрани», в которой появляется немало обращений к школьникам, принадлежащих известным писателям или членам правительства. Высказывание И. В. Сталина, напечатанное в марте 1940 г., гласило:

> Надеюсь, что вы станете энергичными, знающими работниками, какие необходимы нашей стране [Сталин 1940: 3].

Интересно, что понятие «приносить пользу» в советском словоупотреблении также было связано со сферой общественного как общезначимого, иногда противопоставляющейся сфере интимного и личного. Так, Вальтраут Шелике, дочь немецкого политического эмигранта, которая жила в Москве и училась в советской школе, в дневнике на русском языке передает свой разговор со школьной подругой:

> Главное в жизни — это работа, принести пользу родине, а уже потом идут личные дела — любовь [Schälike 1940].

В 1941 г. понятие «пользы» начинает все чаще появляться в газетных публикациях. В апреле 1941 г. «Пионерская правда» печатает письма, присланные в ответ на вопрос Нины Копленко «Как нужно жить, чтобы быть полезным для родины». Школьник Вадим Власов завершает свое письмо призывом:

> Нужно каждому стараться, чтобы эти силы и энергия были направлены на что-нибудь полезное, чтобы они не пропали даром. Мы очень много пользы можем принести родине, если захотим [Как нужно жить 1941].

Речь тут идет прежде всего о трудовой и практической деятельности — причем еще в школьные годы.

Опубликованный тут же ответ школьников из Бийска представляет несколько точек зрения на эту проблему:

> Этот вопрос занял всех наших ребят. Начались споры, стали вспоминать: что же мы сами делаем для родины?

Сперва в письме упоминаются сугубо прикладные занятия — сбор металлолома или обустройство палисадника, но все же, наконец, дети вспомнили и о хорошей учебе — «самом главном» своем деле.

После начала Великой Отечественной войны, когда объявляется всеобщая трудовая мобилизация, идеологема «польза для родины» начинает использоваться в педагогической и детской периодике все чаще. Если до войны под «пользой для родины» может подразумеваться самый широкий спектр дел и занятий, то после начала войны за этим устойчивым сочетанием закрепляется значение «участие в труде». 28 июня 1941 г. в «Пионерской правде» было напечатано письмо старшеклассниц московских школ, которые пишут:

> Считаем себя мобилизованными для замены ушедших и просим послать нас на любую работу, где мы сможем приносить пользу [Мы работаем на фабрике 1941: 3].

В этом примере понятие «пользы» появляется в контексте трудовой деятельности, и такое словоупотребление можно признать наиболее распространенным. Однако есть и другие варианты, также обусловленные военным временем. В частности, «пользу» (очевидно, в будущем) может приносить военная подготовка школьника:

> ...Чтобы каждый из вас мог еще больше быть полезным родине, ежедневно уделять час-два овладению военными навыками [Все знания и силы 1941].

Новым воспитательным лозунгом в это время становится «помощь родине» или «помощь фронту», которую школьники могут оказывать своим трудом в сельских хозяйствах и на фабриках или какими-либо практическими делами, например, сбором осколков от снарядов и металлического лома, сбором ягод шиповника, вязанием рукавиц для бойцов или правильной подготовкой посадочного материала.

Как уже было сказано выше, любая деятельность школьников теперь должна была приносить пользу. В 1942 г. ЦК ВЛКСМ принимает ряд постановлений о пионерской организации, о которых пишет «Пионерская правда»:

> Пионеры — большая сила. Они первые помощники и правлению колхоза, и семье бойца, и детдому, и инвалиду отечественной войны. Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни. Всюду можно найти применение своим юным рукам, приносить пользу родине [О твоем отряде 1942].

Наконец, понятие «пользы» находит официальное закрепление в Правилах для учащихся 1943 г. К. А. Маслинский, посвятивший специальное

исследование истории Правил для учащихся в советской школе, отмечает, что особенностью этого нормативного документа является прямое обращение государства к школьнику [Маслинский 2015][19], что существенно для понимания зафиксированных в его тексте воспитательных установок. Идеологема «польза для родины» фигурирует как одна из самых важных обязанностей учащихся уже в самом первом пункте правил:

> Упорно и настойчиво овладевать знаниями для того, чтобы стать образцовым и культурным гражданином и принести как можно больше пользы Советской Родине [Правила 1943].

Очевидно, что эта образовательная идеологема перекликается с установкой на формирование «знающего работника, нужного стране», но акценты оказываются расставлены иначе: теперь место достаточно пассивного работника, в котором страна «нуждалась» (как в высказывании И. В. Сталина), занял гораздо более активный «знающий и культурный гражданин» — человек, приносящий много «пользы» родине. Из контекста употребления понятия «польза» в детской и педагогической прессе 1941–1943 гг. становится ясно, что под «пользой» в «Правилах» подразумевается труд или любая другая практическая деятельность. По сути, здесь вновь актуализируется традиционное в европейской культуре понятие «общественной пользы», с тем идеологическим уточнением, что пользу теперь требуется приносить не просто обществу, а «Советской Родине». И это не случайно: в годы войны всеобщая трудовая мобилизация распространялась и на детей, так как страна нуждалась в дополнительных трудовых ресурсах, и необходимо было найти определенную формулу, предназначенную для оправдания использования детского труда в условиях войны. Таким понятием, которое вместило необходимое содержание, продиктованное военным временем, и стала «польза родине», подразумевавшая участие в сельскохозяйственных работах, в социальной и культурной работе, в труде на производстве, в строительстве оборонительных сооружений или в работе по самообслуживанию воспитательных учреждений.

В этом смысле характерно цитировавшееся выше письмо испанской ученицы Лули Сиснерос. Оно демонстрирует трансформировавшееся с началом войны советское понимание «пользы»: девочка формулирует желание своих соучеников копать траншеи на подступах к Москве или работать на фабрике, чтобы приносить пользу, однако сохраняет уже знакомые нам по довоенным испанским письмам императивы возвращения в Испанию и будущего преображения своей страны.

Более поздние высказывания испанских идеологов и советских педагогов свидетельствуют о том, что детям и далее давали все те же моральные

[19] Благодарю К. А. Маслинского за возможность ознакомиться с его работой в рукописи.

и дидактические установки, хотя из наставлений испанским школьникам на некоторое время уходит тезис о строительстве социализма в Испании — он заменяется более насущной задачей освобождения испанского народа.

В 1943 г., уже став председателем испанской компартии, Долорес Ибаррури сформулировала конкретную — и утилитаристскую — задачу обучения испанских детей и подростков в СССР. Пожалуй, в ее словах содержится откорректированная временем и политическими обстоятельствами идеологическая константа программы образования испанцев, которая и далее будет определять развитие этого проекта:

> Ваши родители, братья, друзья, весь наш народ ждет, что вы станете прекрасными студентами, специализированными рабочими, верными детьми рабочего класса, достаточно подготовленными для борьбы и победы над врагом на всех направлениях: в технической сфере, политической борьбе, вооруженном противостоянии за освобождение нашего народа [Alted Vigil et al 1999: 315].

Документы показывают, что идеологема «полезный человек» закрепилась в воспитательной системе детских домов для испанских детей на долгие годы. В марте 1950 г. педагог Г. А. Катрухина, выступившая с обращением к воспитаннику детского дома № 1 Мануэлю на совместном педагогическом совете детского дома для испанских детей и сталинской средней школы № 1, весьма органично воспроизводит на русском языке представление о высокой общественной миссии, к которой должны готовиться испанские дети. Из ее речи очевидно, что это представление исходит от политического руководства испанской эмиграции в СССР:

> ...Представители испанской компартии в Москве очень заинтересованы в том, чтобы как можно больше испанской молодежи получили высшее образование, ибо для будущей Испании нужны хорошие специалисты. ‹…› ...Надо учиться не для себя, а для своей родины, которая находится сейчас под пятой фашизма, надо получить высшее образование, чтобы быть полезным для своей родины[20].

Таким образом, идеологема «полезный человек», которая как таковая отсутствует в системе понятий советского образования, актуализируется в свете советской установки на принесение «пользы» родине и становится результатом взаимодействия двух концептуальных полей, испанского и советского. Сравнительный опыт изучения системы понятий воспитательного процесса, объектом которого стали испанские дети, эвакуированные в Советский Союз во время и после гражданской войны в Испании, позволяет выявить ее специфический, гибридный характер.

[20] ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 101. Л. 18.

Литература / References

1. Все знания и силы — на защиту родины! // Пионерская правда. 1941. № 89 (2601). 29 июля. С. 1.

Vse znaniia i sily — na zashchitu rodiny! (1941) [All Knowledge and Forces to Protect the Homeland]. *Pionerskaia pravda* [Pioneer's truth]*, no. 89*(2601), 1. (In Russian).

2. Елпатьевский А. В. (2002). Испанская эмиграция в СССР. М.; Тверь: ГЕРС, 2002. 290 с.

Elpat'evskii, A. V. (2002). *Ispanskaia emigratsiia v SSSR* [Spanish emigration in the USSR]. Moscow: GERS. 290 p. (In Russian).

3. За работу, товарищи учителя! // Учительская газета. 1940. № 7 (2664). 13 янв. С. 1.

Za rabotu, tovarishchi uchitelia! (1940). [Do work, comrade teachers!]. *Uchitel'skaia gazeta* [Teacher's newspaper]*, no. 7*(2664), 1. (In Russian).

4. Как нужно жить, чтобы быть полезным для родины // Пионерская правда. 1941. № 48 (2560). 22 апр. С. 3.

Kak nuzhno zhit', chtoby byt' poleznym dlia rodiny (1941) [How to live to be useful for the Motherland]. *Pionerskaia pravda* [Pioneer's truth]*, no. 48*(2560), 3. (In Russian).

5. Маслинский К. А. (2015). Правила поведения в советской школе // Вестник православного Свято-Тихоновского университета. Сер. «Педагогика». 2015 (в печати).

Maslinskii, K. A. (2015). Pravila povedeniia v sovetskoi shkole [Rules of Behavior in Soviet school]. *Vestnik pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo universiteta. Ser. "Pedagogika"* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University, ser. "Pedagogy"], forthcoming. (In Russian).

6. Мы работаем на фабрике // Пионерская правда. 1941. № 76 (2588). 28 июня. С. 3.

My rabotaem na fabrike (1941). [We work in the factory]. *Pionerskaia pravda* [Pioneer's truth]*, no. 76*(2588), 3. (In Russian).

7. [Нарумов 1988]. Испанско-русский словарь / Под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988. 830 с.

Narumov, B. P. (ed.) (1988). *Ispansko-russkii slovar'* [Spanish-Russian dictionary]. Moscow: Russkii iazyk. 830 p. (In Russian).

8. Николай II. (1911). Всемилостивое обращение Его Величества Государя Императора к юнкерам // Новое время. 1911. № 12717. 8/21 авг. С. 1.

Nikolai II. (1911). Vsemilostivoe obrashchenie Ego Velichestva Gosudaria Imperatora k iunkeram [The Gracious address of His Majesty the Emperor to the cadets]. *Novoe vremia* [New Times]*, no.* 12717*,* 1. (In Russian).

9. Правила для учащихся // Пионерская правда. 1943. № 36 (2757). 7 сент. С. 3.

Pravila dlya uchashchikhsia [Rules for pupils]. *Pionerskaia pravda* [Pioneer's truth]*, no. 36(2757)*, 3. (In Russian).

10. О твоем отряде, о твоей дружине // Пионерская правда. 1942. № 54 (2708). 30 сент. С. 2.

O tvoem otriade, o tvoei druzhine (1942). [About your group, about your team]. *Pionerskaia pravda* [Pioneer's truth]*, no. 54*(2708), 2. (In Russian).

11. Сталин И. В. (1940). «Надеюсь, что вы станете энергичными, знающими работниками, какие необходимы нашей стране» // Пионерская правда. 1940. № 34 (2381). 10 марта. С. 3.

Stalin, I. V. (1940). «Nadeius', chto vy stanete energichnymi, znaiushchimi rabotnikami, kakie neobkhodimy nashei strane» [I hope you will become vigorous, educated workers, which are needed for our country]. *Pionerskaia pravda* [Pioneer's truth]*, no. 34*(2381), 3. (In Russian).

12. Alted Vigil, A., Nicolás Marín, E., González Martell, R. (1999). *Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética. De la evacuación al retorno (1937–1999)* [The children of the Spanish War in the Soviet Union. From evacuation to return (1937–1999)]. Madrid: Fundación Largo Caballero. 362 p. (In Spanish).

13. Artola, M. (1974). *Partidos y programas políticos 1808–1936, 2* [Parties and political programs, 1808–1936, 2]. Madrid: Aguilar. 531 p. (In Spanish).

14. Cela, C. J. (1995). *La familia de Pascual Duarte* [The family of Pascual Duarte]. Barcelona: RBA. 169 p. (In Spanish).

15. Colomina Limonero, I. (2010). *Dos patrias, tres mil destinos* [Two homelands, three thousand destinies]. Madrid: Ediciones Cinca. 280 p. (In Spanish).

16. Covarrubias, J. E. (2005). *En busca del hombre útil. Un estudio comparativo del utilitarismo neomercantilista en México y Europa, 1748–1833* [In search of the 'Useful Person'. A comparative study of neomercantilistic utilitarianism in Mexico and Europe, 1748–1833]. México D.F.: Univ. Nacional Autónoma de México. 472 p. (In Spanish).

17. Díaz-Plaja, F. (1983). *Historia de España en sus documentos. Siglo XIX* [Spanish history through its documents. 19th Century]. Madrid: Cátedra. 495 p. (In Spanish).

18. Galmarini, M. (2012). *The "right to be helped": Welfare policies and notions of rights at the margins of Soviet society, 1917–1950*. Dissertation. Urbana: Univ. of Ilinois (manuscript).

19. Juan Manuel (1994). *El Conde Lucanor o libro de Patronio* [Tales of Count Lucanor]. Barcelona: Edicomunicación. 150 p. (In Spanish).

20. Pérez Galdós, B. (1995). *Trafalgar. La Corte de Carlos IV* [Trafalgar. The Court of Carlos IV]. Barcelona: Crítica. 559 p. (In Spanish).

21. del Pozo Andrés, M. (2008). La infancia en peligro: las colonias escolares en Valencia (1936—1939) [Childhood in danger: School colonies in Valencia (1936–1939)]. In *València, capital cultural de la República (1936—1937)* [Valencia, cultural capital of the Republic (1936–1937)], 507–541. (In Spanish).

22. Ribera, L. (1964). *Misalito Regina, para jóvenes* [Brief Missal Regina for Young Persons]. Barcelona: Regina. 766 p. (In Spanish).

23. Schälike, W. (1940). Шестой класс (Отрочество. 1940): [Электрон. ресурс:] http://www.eurodiva.de/wschaelike/ru/nv2_6klass0.html.

Schälike, W. (1940). *Shestoi klass. (Otrochestvo. 1940)* [The Sixth Class. (Adolescence, 1940)], http://www.eurodiva.de/wschaelike/ru/nv2_6klass0.html. (In Russian).

24. Ureña, E. M. (1991). *Krause, educador de la humanidad. Una biografía* [Krause, educator of humanity. A biography]. Madrid: Unión Editorial. 506 p. (In Spanish).

Сокращения

ANC — Arxiu Nacional de Catalunya (Национальный архив Каталонии), Sant Cugat del Vallès.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва.

The education system in boarding schools for Spanish children in the Soviet union. Towards a history of pedagogical ideologemes

Kharitonova, Natalia Yu.
PhD, Senior Lecturer, National Research University "Higher School of Economics"
Russia, Moscow, 105066, 21/4 Staraya Basmannaya str.
Tel.: +7 (495) 772-95-90
E-mail: nataliakaritonova@hse.ru

Abstract. This article examines some pedagogical ideologemes that defined the education and training of Spanish children evacuated to the Soviet Union during the Spanish civil war (1937—1939), through the use of conceptual history. My main intention is to analyze some concepts from discourse of Spanish ideologists, Spanish children themselves and their Soviet educators. The initial section details the semantics of the Spanish concept of 'useful person' (hombre de provecho / hombre útil) which is frequently used by the Spanish alumni. It cannot be properly understood without some knowledge of the Soviet ideological context, so the second half of the article focuses on the Soviet idea of 'being useful to the Motherland'. The study reveals hybrid nature of 'moral' and ideological education of Spanish children in the Soviet Union.

Keywords: Soviet school, Spanish children, concepts, conceptual history.

Kharitonova, N. Yu. (2015). The education system in boarding schools for Spanish children in the Soviet union. Towards a history of pedagogical ideologemes. Shagi / Steps, 1, 74–93